

- ²³ Градовский Г. К. Архистратиг славянской рати // Образование. 1909. № 1. С. 116.
- ²⁴ Там же. С. 117.
- ²⁵ Майков А. Н. Никогда // Гражданин. 1884. № 1. С. 7–8.
- ²⁶ Цит. по: Милютин Д. А. Воспоминания. 1865–1867. М., 2005. С. 477.
- ²⁷ Русский. 1867. № 195. 1 мая.
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ Майков А. Н. Раздел Турции. Б. м. ; Б. г. С. 130.
- ³⁰ Там же. С. 138.
- ³¹ Цит. по: Золотарев В. А. Указ. соч. С. 223.
- ³² Там же. С. 223–233.
- ³³ См.: Кочуков С. А. Указ. соч.
- ³⁴ Цит. по: Золотарев В. А. Указ. соч. С. 229.
- ³⁵ де-Воллан Г. А. В Сербии. Недавняя старина // Русский архив. 1879. Кн. 2, №7. С. 355.
- ³⁶ Максимов Н. В. Две войны 1876–1878 гг. // Русские о Сербии и сербах. СПб., 2006. Т. 1. С. 202.
- ³⁷ Зимой 1877–1878 гг. // Дело. 1878. № 6. С. 141.
- ³⁸ Мизантрон Н. Калейдоскоп (Литературные и общественные заметки) // Дело. 1878. № 11. С. 236.
- ³⁹ Там же. С. 236–237.
- ⁴⁰ «Сербы заинтересуются, начнут расспрашивать подробно о житье-бытье русского крестьянина. Начнешь им, бывало, рассказывать:
– Живет наш крестьянин совсем бедно!.. Изба-то его на бок согнулась, еле-еле держится, лошаденка единственная, коровка его пала, деткам молока негде взять... Слушает серб и... не верит.
– Знаете что, братики? – скажешь, бывало сербу в заключение, – у нас есть такие крестьяне, что всего раза четыре в год мясо пробуют...
– Не истина! – крикнет, бывало, серб, шибко крикнет, даже рассердится» (Максимов Н. В. Указ. соч. С. 193).
- ⁴¹ Достоевский Ф. М. Собрание сочинений : в 9 т. М., 2007. Т. 9, ч. 2. С. 102.
- ⁴² Бачевский К. И. 18-й пехотный Вологдорский полк в первом сражении под Плевной 7-го и 8-го июля 1877 года. Чернигов, 1884. С. 8.
- ⁴³ К... Первая Плевна // Сборник военных рассказов, составленных офицерами – участниками войны 1877–1878 : в VI т. СПб., 1878–1879. Т. II. С. 172.
- ⁴⁴ Ш... Под Плевной 18-го июля 1877 года // Сборник военных рассказов... Т. II. С. 556.
- ⁴⁵ Цит. по: Золотарев В. А. Указ. соч. С. 229–230.

УДК 94(5–11)«187/190»:327.82(470+571:520):929Розен

РОЛЬ Р. Р. РОЗЕНА В ВЕДЕНИИ РОССИЙСКО-ЯПОНСКИХ ПЕРЕГОВОРОВ ПО КОРЕЙСКО-МАНЬЧЖУРСКОМУ ВОПРОСУ

Е. Б. Кириченко

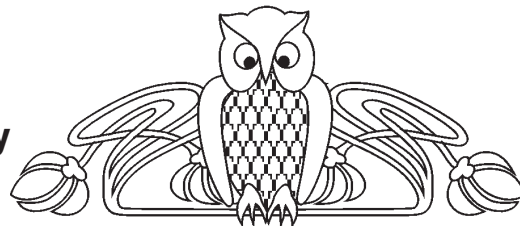
Харьковский национальный педагогический университет, Украина
E-mail: borodina_olena@mail.ru

Статья посвящена роли посланника России в Японии Р. Р. Розена в ведении переговоров, предшествовавших войне 1904–1905 гг. Благодаря довольно длительному пребыванию на дипломатической службе в Японии ему удалось досконально изучить японские интересы в Восточной Азии и отношение японского общества к притязаниям Российской империи на контроль над Маньчжурией и Кореей. Будучи осведомлённым о военном потенциале Японии, Р. Р. Розен заявлял о крайней нежелательности возникновения вооруженного конфликта; однако, несмотря на его усилия, найти компромисс между Санкт-Петербургом и Токио так и не удалось.
Ключевые слова: Р. Р. Розен, Россия, Япония, Корея, Маньчжурия, переговоры.

The Role of R. R. Rosen at Russo-japanese Negotiations about Korean and Manchurian Question

О. В. Курыченко

The article focuses on the Russian minister to Japan R. R. Rosen's role at the negotiations that preceded the war of 1904–1905. Because of quite long stay at the diplomatic service in Japan, he could study Japanese interests in East Asia and the attitude of the Japanese society to the Russian Empire claims to the control over Manchuria and Korea thoroughly. Being informed about military potential of

Japan, R. R. Rosen stated that rise of armed conflict was extremely undesirable; however, in spite of his efforts, Saint-Petersburg and Tokyo couldn't strike a happy medium.

Key words: R. R. Rosen, Russia, Japan, Korea, Manchuria, negotiations.

Роман Романович Розен (1847–1921) – один из выдающихся дипломатов Российской империи, значительная часть карьеры которого была связана с Дальним Востоком, а именно с Японией. Его имя часто упоминается в связи с заключением Портсмутского договора, завершившего Русско-японскую войну 1904–1905 гг., так как Р. Р. Розен исполнял роль второго уполномоченного на мирной конференции, и его подпись, наряду с подписью С. Ю. Витте, подтверждала заключение мира. Тем не менее, недостаточно исследованным остаётся вопрос о влиянии Р. Р. Розена на ход российско-японских переговоров накануне войны, поскольку именно он в этот период представлял интересы России в Японии, находясь на посту посланника в Токио.

Дипломатическая деятельность барона Р. Р. Розена в Японии рассматривается в работах А. И. Кубышкина и А. И. Сизоненко¹, П. Э. Подалко², И. Лукоянова³. Источниковая база представлена материалами Государственного архива

Российской Федерации (ГАРФ)⁴ и Архива внешней политики Российской империи (АВПРИ)⁵, мемуарами Р. Р. Розена⁶, рапортом военного агента в Японии А. И. Русина⁷, воспоминаниями капитана I ранга Б. И. Бока⁸, корреспонденцией между министром иностранных дел Японии Комура Дзютаро и японским посланником в Петербурге Курино Синитиро⁹. В работе использованы материалы американских¹⁰, австралийских¹¹ газет, а также периодической печати Сингапура¹².

Цель настоящей статьи – определить возможности посланника России в Японии Р. Р. Розена влиять на ход переговорного процесса, предшествовавшего Русско-японской войне, и оценить степень реализации этих возможностей.

Р. Р. Розен был выпускником юридического факультета Санкт-Петербургского университета, по окончании которого он был определён на службу в Азиатский департамент Министерства иностранных дел Российской империи (1872). Его дипломатическая карьера в Японии началась с должности вице-консула в Йокогаме, куда он был назначен летом 1875 г. В то время Р. Р. Розен оценивал русско-японские отношения как «наиболее сердечные»¹³. Укрепление дружественных отношений стало, по мнению дипломата, следствием заключения договора об обмене Курильских островов на Сахалин (1875)¹⁴.

В 1877 г. Роман Романович приступил к исполнению обязанностей первого секретаря российской дипломатической миссии в Токио. На тот момент он имел чин надворного советника и звание камер-юнкера. Его годовое содержание на новой должности составляло 4 500 руб.¹⁵ Будучи секретарём миссии, барон Р. Р. Розен неоднократно замещал по службе тогдашнего посланника К. В. Струве (1835 – 1907)¹⁶, приобретая таким образом ценный опыт сотрудничества с политической элитой Японии, а также с дипломатами других государств. С самим К. В. Струве у Р. Р. Розена сложились весьма доверительные отношения. Барон даже стал крёстным отцом двух дочерей своего начальника, как, впрочем, и всех остальных детей российских подданных, рождённых в Японии¹⁷.

Прослужив три года в должности секретаря миссии в Токио, весной 1880 г. Р. Р. Розен был временно назначен консулом в Сан-Франциско и вернулся в Японию в конце того же года.

После того как в январе 1882 г. К. В. Струве был назначен посланником в Северо-Американские Соединённые Штаты, ответственность за деятельность миссии в Японии была временно возложена на Р. Р. Розена, что, по его собственному мнению, было хорошим шансом для молодого дипломата. Более того, когда начался пересмотр неравноправных договоров между Японией и великими державами, Роман Романович был назначен официальным представителем России на этих переговорах.

Целью переговоров со стороны японского правительства был пересмотр договоров на условиях равенства с западными государствами. Конференция по этому вопросу была созвана в январе 1882 г. в японской столице под председательством министра иностранных дел Японии Иноуэ Каору (1836–1915). Российская дипломатическая миссия в Токио находилась напротив Министерства иностранных дел Японии, поэтому Р. Р. Розен был частым гостем в семье Иноуэ. Но такие дружеские отношения сложились у Иноуэ Каору далеко не со всеми дипломатическими представителями иностранных государств в Японии, для которых, так же как и для Р. Р. Розена, на первом месте стояли интересы их правительств.

Переговоры по пересмотру неравноправных договоров проходили без эксцессов до того момента, пока министр не поставил вопрос об отмене консульской юрисдикции и экстерриториальности иностранцев. В то время как это предложение было поддержано аплодисментами американского посланника, представители других великих держав заявили, что им необходимо получить соответствующие рекомендации своих правительств, а британский посланник сэра Г. Паркеса сразу выразил свой протест. Таким образом, попытка японского правительства избавиться от ограничений, возложенных на него существующими договорами, закончилась на этот раз безрезультатно. Российский посланник выступал на данных переговорах скорее наблюдателем, чем активным участником, так как вопрос отмены экстерриториальности, ввиду малочисленности российских граждан в Японии, не был для российских дипломатов настолько острым, как для Великобритании, представители торговых компаний которой во множестве прибывали в Японию. К тому же, согласно статье 8 Трактата о торговле и границах 1855 г. россияне взамен на получение права экстерриториальности в Японии, признавали такие же привилегии за японцами, посещающими Россию¹⁸. Достичь своей цели, то есть избавиться от режима экстерриториальности иностранцев, Японии удалось лишь в 1899 г.

В своих воспоминаниях Р. Р. Розен писал, что между ним и Г. Паркесом сложились очень тёплые дружеские отношения, и между ними никогда не было никаких серьёзных споров. Когда после восемнадцати лет службы на должности посланника Великобритании в Японии Г. Паркес получил новое назначение в Пекин, он пришёл попрощаться с Р. Р. Розеном. Обсуждая российско-британские отношения, дипломаты пришли к согласию в том, что политика скрытого антагонизма между Российской и Британской империями не принесёт ни одной из сторон ничего хорошего. Забегая вперёд, следует отметить, что создание в 1902 г. англо-японского союза оставляло всё меньше надежд разрешить российско-японские противоречия мирным путём.

Осенью 1883 г. новым посланником России в Японии был назначен О. П. Давыдов (1838–1885). По его просьбе Р. Р. Розен остался в Токио на пару недель для того, чтобы ознакомить новоприбывшего с состоянием дел, после чего отправился в Вашингтон навестить семью своего прежнего начальника К. В. Струве. Проведя около месяца в Америке, Р. Р. Розен прибыл в Санкт-Петербург в январе 1884 г. Его следующим назначением стал пост генерального консула в Нью-Йорке. Затем, когда К. В. Струве получил назначение в Нидерланды, ответственность за деятельность российской миссии в Америке была возложена на Р. Р. Розена. Развитие карьеры дипломата продолжилось на должностях посланника России в Мексике, затем на аналогичной должности в Сербии¹⁹. В январе 1897 г. Р. Р. Розен представил королю Сербии документы о своём отзыве обратно в Россию. По прибытии в Санкт-Петербург Роман Романович получил задание от министра иностранных дел М. Н. Муравьёва (1845 – 1900) всесторонне изучить состояние российско-японских отношений и в целом обстановку на Дальнем Востоке. В своих мемуарах Р. Р. Розен вспоминал, что, проанализировав корреспонденцию между Министерством иностранных дел и Военным министерством, он обнаружил далеко идущие планы, возникшие в последнем из названных ведомств, – намерения, могущие привести Россию к смертельной опасности²⁰. Барон доложил министру иностранных дел о необходимости предотвратить решительные шаги военного ведомства по осуществлению своих планов. Граф М. Н. Муравьёв согласился на предложение Р. Р. Розена подготовить обстоятельную служебную записку по вопросу положения дел на Дальнем Востоке. Первым пунктом в этом документе был тезис о том, что на Дальнем Востоке Россия столкнулась с ситуацией, кардинально отличной от условий, с которыми россияне встретились в Средней Азии. Если в Западном Туркестане, по мнению Р. Р. Розена, существовал низкий уровень развития цивилизации, и тамошнее население приветствовало приход россиян, которые принесли закон и порядок, то на Дальнем Востоке Российской империи предстояло столкнуться с двумя великими государствами: одно из которых огромно по территории и населению, другое же является неприступным островом с населением, характеризующимся агрессивным патриотизмом и милитаристским духом. Р. Р. Розен настаивал на том, что российское правительство должно было исключить из сферы своих политических интересов такие нечёткие цели, как гегемония и преобладающее влияние, и определять внешне-политические цели, исходя из реальных потребностей государства.

Согласно записям Р. Р. Розена, оптимистические рапорта тогдашнего поверенного в делах в Токио и первого секретаря миссии А. Н. Шпейера вызывали у Романа Романовича искреннее

удивление. Если верить его мемуарным записям, А. Н. Шпейер убеждал Министерство иностранных дел в том, что российское продвижение в Корею будет абсолютно безопасным, а протесты с японской стороны не несут в себе серьёзной угрозы. Высшее руководство, видимо, признало Р. Р. Розена более компетентным в вопросах российско-японских отношений, чем А. Н. Шпейера. Поэтому 4 февраля 1897 г. было осуществлено предложение уже покойного к тому моменту министра иностранных дел А. Б. Лобанова-Ростовского (1824–1896) о переводе А. Н. Шпейера в Сеул и назначении Р. Р. Розена посланником в Токио.

Р. Р. Розен прибыл в Японию в августе 1897 г., вслед за ним прибыли новый первый секретарь С. А. Поклевский-Козелл и второй секретарь Андреев. Обоих Роман Романович характеризовал как ценных сотрудников.

Вскоре после вступления в должность Р. Р. Розен провёл деловую встречу с министром иностранных дел графом Окума Сигэнобу (1838–1922), от которого узнал, что семь или восемь русских офицеров прибыли в Сеул для того, чтобы обучать солдат корейской армии. Данные действия являлись нарушением обещаний российского правительства, официально высказанных японскому посланнику в Санкт-Петербурге Хаяши Тадасу (1850 – 1913), о том, что Россия не будет предпринимать каких-либо действий в отношении Кореи до прибытия Р. Р. Розена в Токио и заключения дружественного соглашения с японским правительством. В ответ на претензии японского министра российский посланник заявил, что на момент его отбытия из Санкт-Петербурга российское правительство не имело намерений посылать своих офицеров в Корею. Р. Р. Розен оказался в неудобном положении, не будучи в курсе всех планов своего правительства. Неосведомлённость посланника не лучшим образом отображалась и на международном имидже Российского государства. В своих мемуарах Р. Р. Розен писал, что он имел слабое представление о том, что произошло в Санкт-Петербурге в связи с инцидентом отправки российских офицеров в Сеул. Роман Романович знал о существовании в Военном министерстве плана обучения россиянами корейских солдат, но на момент отъезда Р. Р. Розена из российской столицы этот план был отвергнут. Лишь по возвращении в Россию тремя годами позже барон узнал, что министру иностранных дел М. Н. Муравьёву удалось получить согласие императора Николая II на отправку в Корею совсем незначительного числа офицеров в надежде, что это не вызовет протестов с японской стороны. Открытым остаётся вопрос, почему об этом вовремя не сообщили Р. Р. Розену, который был назначен посланником в Японию главным образом для того, чтобы уладить спорные вопросы, связанные с Кореей. Дело завершилось тем, что упомянутые офицеры были отозваны весной 1898 г. после оккупации россиянами Порт-Артура, где планировалось создание

военно-морской базы для российских военных судов. 15 (27) марта 1898 г. была подписана русско-китайская конвенция, согласно которой император китайский предоставлял российскому правительству в арендное пользование Порт-Артур (Люйшунь) и Дальний (Далянь) сроком на двадцать пять лет. Это событие вызвало всплеск антироссийских настроений в японском обществе, в то время как кабинет министров Японии, со многими членами которого Р. Р. Розен имел дружеские отношения, оценивал передачу Порт-Артура россиянам позитивно. Согласно записям российского посланника, правительство Японии было осведомлено о том, что России требовался незамерзающий порт, и оно надеялось, что, получив Порт-Артур, россияне откажутся от поисков подходящего порта на берегах Кореи²¹. Во время одной из обычных еженедельных встреч Р. Р. Розена с министром иностранных дел Японии Ниси Токудзиро (который в своё время получил образование в Санкт-Петербургском университете) последний заявил о желании правительства Японии достигнуть взаимопонимания с Россией и предложил заключить соглашение об обоюдных обязательствах воздерживаться от какого-либо вмешательства в политику друг друга: России в Маньчжурии и Японии в Корее. Вечером того же дня российский посланник получил от японского министра письменный проект договора, который немедленно был отправлен в Санкт-Петербург. В ответной телеграмме М. Н. Муравьев сообщал, что правительство России с удовлетворением приняло заявление правительства Японии о том, что Маньчжурия не входит в сферу японских интересов, но Россия не может сделать подобного заявления в отношении Кореи. В результате 13 (25) апреля 1898 г. Р. Р. Розеном со стороны России и Ниси Токудзиро со стороны Японии был подписан протокол по корейскому вопросу²². Согласно этому документу, российское и японское правительства признавали полную независимость Кореи и взаимно обязывались воздерживаться от всякого вмешательства во внутренние дела этой страны. Ввиду существования широкой сети коммерческих предприятий Японии в Корее, российское правительство обязывалось не чинить препятствий развитию коммерческих и промышленных отношений между Японией и Кореей. После подписания протокола из Сеула был отозван российский финансовый советник. Японцам удалось получить стратегически ключевой контракт на сооружение железной дороги Сеул – Пусан, упредив конкуренцию Германии, Великобритании и России в строительстве транспортных магистралей на полуострове.

Несмотря на положения подписанного протокола, Корея продолжала пребывать в сфере интересов царского правительства. Корабли российского военно-морского флота регулярно курсировали вдоль побережья Кореи, что стало причиной возрастания недовольства со стороны японских властей.

Осенью 1899 г. один из офицеров российского флота сошёл на берег в корейском порту Пусан и ввязался в какую-то неприятную историю в чайном домике японской концессии. Занимаясь расследованием этого дела, Р. Р. Розен отправил М. Н. Муравьеву телеграмму о необходимости ограничить свободу деятельности российских морских офицеров в Корее. Днём позже Роман Романович получил ответную телеграмму, где сообщалось о его назначении посланником в Мюнхене – гораздо менее важный в политическом отношении пост. Таким образом, царское правительство, не желая уступать Японии Корейский полуостров, сместило Р. Р. Розена, стремившегося ограничить присутствие российских военных моряков в Корее во избежание конфликта с Японией.

Новым посланником в Токио был назначен А. П. Извольский²³ (1856–1919), который до этого занимал аналогичную должность в Мюнхене. После заключения в январе 1902 г. англо-японского союза на первую линию дипломатической активности на Дальнем Востоке выходит проблема возможного провозглашения нейтралитета Кореи. По мнению А. П. Извольского, Япония зашла настолько далеко в своих приготовлениях с целью захвата Корейского полуострова, что выработка какого-либо компромисса в отношениях между Токио и Санкт-Петербургом представлялась маловероятной. В такой кризисной ситуации сохранить российские внешнеполитические интересы на Дальнем Востоке, как полагал А. П. Извольский, можно путём нейтрализации Кореи при надёжных международных гарантиях. Учитывая сложность формирования международного дипломатического механизма обеспечения нейтралитета Кореи, указанный статус мог быть гарантирован наиболее заинтересованными государствами: Россией, Японией, а также США, которые не преследовали в Корее определённых политических целей и были заинтересованы в свободе торгово-промышленных отношений. Однако доводы А. П. Извольского, отвечавшие государственным интересам Кореи, не были поддержаны ближайшим политическим окружением Николая II²⁴. Осенью 1902 г. А. П. Извольский в связи с семейными обстоятельствами подал прошение о переводе его на соответствующую должность в Европу. На пост посланника России в Японии вновь был назначен Р. Р. Розен. На выбор наиболее подходящего кандидата на должность посланника в Токио в этот непростой период российско-японских отношений повлияло то, что барон был хорошо знаком с ситуацией на Дальнем Востоке и имел богатый опыт общения с японским политиком.

По прибытии в Японию Роман Романович первым делом принял дела миссии, а затем отправился в Киото, где ему была назначена аудиенция у императора Муцухито для представления документов о его назначении. После вручения верительных грамот императору посланник вместе со своей супругой были приглашены на приём к

императрице. Монаршая чета выразила Розенам своё удовлетворение по поводу их возвращения в Японию. Согласно мемуарам Р. Р. Розена, члены японского правительства также встретили его как старого друга, но в японском обществе господствовала атмосфера враждебности и подозрительности по отношению к россиянам. Тем не менее, первые месяцы по возвращении Р. Р. Розена в Японию прошли очень спокойно, без каких-либо инцидентов²⁵.

Во избежание вооружённого конфликта с Японией российский посланник считал необходимым расколоть англо-японский союз, но, изложив свои соображения по этому поводу министру финансов С. Ю. Витте, не получил поддержки с его стороны²⁶.

16 мая 1903 г. преемник М. Н. Муравьёва на посту министра иностранных дел В. Н. Ламсдорф (1845–1907) предложил Николаю II прозондировать в Токио возможности заключения соглашения России с Японией. Царь одобрил идею, и В. Н. Ламсдорф уже 17 (30) мая уполномочил Р. Р. Розена искать договорённостей относительно Кореи. Одновременно в Японию был направлен военный министр России А. Н. Куропаткин (1848–1925). 28 мая возглавляемая им миссия высадилась в японском порту Симоносеки, и уже 2 июня А. Н. Куропаткин смог встретиться с одним из наиболее влиятельных японских политиков Ито Хиробуми, который выразил свою обеспокоенность неопределённостью положения, занятого Россией на Дальнем Востоке, а именно в Маньчжурии и Корее. В тот же день А. Н. Куропаткин передал Р. Р. Розену содержание своего разговора с Ито Хиробуми, и министр с посланником совместно составили депешу государю. О весомости точки зрения Р. Р. Розена свидетельствует тот факт, что военный министр просил его лично написать проект основной части депеши, чтобы иметь в руках документ о том, что содержание депеши разделялось посланником России в Японии. Основной смысл составленного А. Н. Куропаткиным и Р. Р. Розеном документа сводился к необходимости отказаться от активной политики в Корее со стороны России, во избежание вооружённого конфликта с Японией. Однако дневниковые записи А. Н. Куропаткина свидетельствуют о том, что в секретных депешах, отправленных Р. Р. Розеном графу В. Н. Ламсдорфу, посланник неожиданно заявил о том, что россияне «могли бы ... в своих действиях в Корее ... руководствоваться одними собственными интересами, хотя бы такие действия и казались задевающими сантиментальные или даже реальные интересы Японии в этой стране»²⁷. Подобное заявление со стороны Р. Р. Розена на фоне его постоянного стремления убедить российское правительство отказаться от Кореи с трудом поддаётся объяснению. Возможно, некоторые факты в записях А. Н. Куропаткина искажены. В случае же их достоверности – одной из версий объяснения поступка Р. Р. Розена являлось

его желание сохранить своё влияние на дальневосточные дела, так как к тому моменту посланник уже получил приказание подчиняться наместнику царя на Дальнем Востоке адмиралу Е. И. Алексееву (1843–1917), который был принципиальным противником подписания соглашения с Японией: он считал невыгодным для России обменять Южную Корею на Маньчжурию. Инициативу проявила Япония – по поручению Токио посланник в Петербурге Курино Синитиро (1852–?) обратился к В. Н. Ламсдорфу с предложением начать обмен мнениями по поводу Дальнего Востока. 30 июля 1903 г. он передал В. Н. Ламсдорфу японские предложения, главной идеей которых был обмен Кореи на Маньчжурию. За Россией Япония признавала лишь железнодорожные интересы, в то время как сама стремилась действовать в Корее практически без каких-либо ограничений. В. Н. Ламсдорф поручил Р. Р. Розену изучить предложения японского правительства и разработать встречные предложения, согласуя их с наместником на Дальнем Востоке Е. И. Алексеевым²⁸.

Когда в сентябре 1903 г. Р. Р. Розен прибыл из Токио в Порт-Артур для консультаций с Е. И. Алексеевым, о его приезде не знало даже ближайшее окружение адмирала. Наместник уверял барона в неотвратимости войны и высказал предположение о возможном невозвращении Р. Р. Розена в Японию. Государю-императору была отправлена телеграмма о необходимости немедленного объявления войны с целью предупредить подобные действия со стороны Японии. В столице с делом ознакомились министр иностранных дел В. Н. Ламсдорф, военный министр А. Н. Куропаткин, морской министр Ф. К. Авелан, контр-адмирал А. М. Абаза и сам царь. В составленном ответе сообщалось, что Николай II не допускает возможности для великой России объявить войну маленькой Японии.

Наместник настаивал на жёстком курсе по отношению к Японии, отказываясь уступать Корею. Кроме того, он требовал от Токио объявить Маньчжурию вне сферы японских интересов, соглашаясь признать там лишь торговые права Японии. Р. Р. Розен считал, что Токио не примет условий адмирала. Официальный ответ российского правительства, представленный Романом Романовичем 3 октября в японской столице, был основан на разведении корейского и маньчжурского вопросов. Его основной смысл состоял в предложении обменять Корею на полный отказ Японии от каких-либо действий в Маньчжурии²⁹. Россия признавала за Японией привилегированные интересы в Корее, обязываясь не чинить препятствий её коммерческой и промышленной деятельности в названном государстве, но требовала отказа обеих сторон от попыток использовать территорию Кореи в стратегических целях. Территорию Кореи, севернее 39-й параллели, предлагалось признать нейтральной зоной, куда будет запрещено вводить свои войска обеим из сторон³⁰.

В ходе обсуждения корейско-маньчжурского вопроса между Р. Р. Розеном и министром иностранных дел Японии Комура Дзютаро (1855–1911) последний указал на признание Японией особых интересов России в Маньчжурии при условии уважения суверенитета Китая и прекращения попыток ограничить свободу коммерческой деятельности японцев в Маньчжурии. Предметом спора стала позиция, высказанная российским посланником, о том, что Россия не допустит вмешательства третьей стороны в её отношения с Китаем.

31 октября 1903 г. Р. Р. Розен сообщил Комура Дзютаро о том, что он не может продолжить переговоры, так как находится в ожидании новых указаний от своего правительства. В связи с этим министр иностранных дел Японии приказывал посланнику в Петербурге встретиться с исполняющим обязанности министра иностранных дел России (ввиду временного отсутствия в Петербурге В. Н. Ламсдорфа) и сообщить ему о том, что японское правительство признаёт маньчжурский вопрос исключительно вопросом российско-китайских отношений, однако Япония имеет свои права и интересы в этом регионе. 20 ноября Р. Р. Розен информировал Комура Дзютаро о том, что адмирал Е. И. Алексеев отправил разработанные контрпредложения в Санкт-Петербург, и переговоры в Токио могут быть продолжены только после обсуждения российским правительством предложений наместника. Реакцией японского министра стала отправка телеграммы мистру Курино с поручением как можно быстрее встретиться с графом В. Н. Ламсдорфом и высказать просьбу о неотложном предоставлении инструкций российскому посланнику в Токио, так как правительство Японии было заинтересованно в ускорении хода переговоров (на полвека ранее с подобными просьбами – об ускорении хода переговоров с целью заключения первого российско-японского договора – обращались к японцам россияне; теперь ситуация изменилась). Просьба японского посланника не была удовлетворена, и в телеграмме от 28 ноября Комура Дзютаро вновь приказывал мистру Курино поспособствовать ускорению отправки инструкций для Р. Р. Розена. 4 декабря Курино Синитиро сообщил Комура Дзютаро о том, что, по словам В. Н. Ламсдорфа, он сможет встретиться с императором лишь 8 декабря – тогда будет возможность отправить инструкции для барона Р. Р. Розена. Наконец 28 ноября (11 декабря) Р. Р. Розен официально представил министру иностранных дел Японии проект договора, утверждённый российским правительством. В то время как японцы на первое место среди своих предложений ставили необходимость признания независимости и территориальной целостности Китайской и Корейской империй, россияне в свою очередь официально соглашались признать лишь корейскую независимость. Маньчжурский вопрос в проекте договора упомянут не был³¹.

Обвинения в затягивании переговорного процесса исходили как от японцев, так и от россиян. 7 (20) декабря 1903 г. российский морской агент в Японии А. И. Русин рапортовал помощнику начальника Главного морского штаба А. А. Вирениусу, что «прошло уже почти десять дней со времени вручения российским посланником японскому министру иностранных дел, барону Комура, условий соглашения императорского правительства, и до сих пор нет никакого ответа, хотя сами японцы всё время твердили о спешности переговоров»³².

Во время встречи с российским посланником 21 декабря барон Комура указал на принципиальную разницу в определении территориальных границ сфер влияния на Дальнем Востоке в японских предложениях и в российских контрпредложениях. Японское правительство не соглашалось с пунктом о невозможности для него использовать территорию Кореи для стратегических целей.

25 января директор Азиатского департамента Н. Г. Гартвиг (1857–1914) сообщил Курино Синитиро о том, что российский ответ на японские предложения задерживается, так как идёт консультационный процесс между Министерством иностранных дел и адмиралом Е. И. Алексеевым. Однако, по информации современника событий капитана I ранга Б. И. Бока, с 12 января российским посланникам в Токио, Пекине и Сеуле было приказано связываться непосредственно с Петербургом в обход наместника царя на Дальнем Востоке³³. Таким образом, можно предположить, что информация, предоставленная Н. Г. Гартвигом Курино Синитиро, не имела под собой реальных оснований, а была лишь поводом для затягивания хода переговоров. В результате японцы использовали медлительность россиян как повод для прекращения переговоров³⁴. 5 февраля 1904 г. министр иностранных дел Японии отправил посланнику в Санкт-Петербурге телеграмму с приказом передать графу В. Н. Ламсдорфу дипломатическую ноту о том, что правительство Японской империи желает прекратить безрезультатные переговоры и разорвать дипломатические отношения с правительством Российской империи³⁵.

Разрыв дипломатических отношений между Японией и Россией привлёк внимание всей мировой общественности. Об отозвании российского посланника из Токио написали такие газеты, как «The New York Times»³⁶, «The Register»³⁷, «The Straits Times»³⁸, «The Sydney Morning Herald»³⁹ и др. 7 февраля Р. Р. Розен и Комура Дзютаро обменялись прощальными визитами, в ходе которых японский министр заявил, что, поскольку дальнейшие российско-японские переговоры, очевидно, будут безрезультатными, Япония вынуждена начать активные действия, отвечающие её интересам.

Несмотря на обострение российско-японских отношений, которое привело к военному конфликту, российские дипломаты, долгое время

служившие в Японии, продолжали пользоваться уважением представителей японской власти. Накануне своего отъезда, 11 февраля 1904 г., российский посланник был приглашён на приём к микадо в честь годовщины промугации японской конституции. Японцы высказали Роману Романовичу свою симпатию, называли его другом Японии и сторонником мира.

Когда барон Р. Р. Розен уезжал из Токио, более сотни друзей и знакомых пришли на железнодорожную станцию Симбаси попрощаться с ним. Среди них были: премьер-министр Таро Кацура и другие министры, церемониймейстер барон Санномия, посланник Франции в Японии и другие. На специальном поезде члены российской миссии отправились в Йокогаму, где были приняты меры для гарантирования их безопасности. В экипажах, принадлежавших японскому правительству, российских дипломатов доставили на пристань, где был пришвартован пароход «Yagga» французского общества «Messageries Maritimes»⁴⁰. Кроме отозванного российского посланника с семьёй и персонала миссии на борту «Yagga» Японию покинули генеральный консул в Йокогаме В. Я. Сиверс, вице-консул в Кобе Ф. И. Васильев и консул в Нагасаки князь А. А. Гагарин⁴¹.

В общей сложности Р. Р. Розен прослужил в дипломатических представительствах России в Японии около двенадцати лет. Пройдя путь от вице-консула до посланника, он приобрёл ценный опыт дипломатического сотрудничества с японскими политическими кругами, ознакомился со спецификой дальневосточной политики. За время службы в Токио Р. Р. Розену удалось наладить дружеские отношения со многими влиятельными людьми Японии.

Современник Р. Р. Розена дипломат Ю. Я. Соловьёв написал о нём в своих воспоминаниях следующее: «Необыкновенно широкий кругозор и выдающийся здравый смысл выделяли Розена из среды большинства его коллег. Тем не менее Розен остался до конца старого режима непонятым. В министерстве обыкновенно с ним соглашались лишь после того, как события подтверждали верность его оценки политической обстановки»⁴².

Важной попыткой обратить внимание российских военных кругов на реальное состояние дел на Дальнем Востоке, попыткой обуздать имперские амбиции, неминуемо ведущие к войне, было составление Р. Р. Розеном обстоятельного документа (1897), призывавшего скорректировать цели российской дальневосточной политики. К сожалению, дипломату не удалось приостановить нарастание российской-японской конфронтации. Царское правительство признавало компетентность Р. Р. Розена в вопросе российско-японских отношений, тем не менее, он был снят с поста посланника в Токио, когда попытался указать на неуёмные амбиции российских военных в Корее.

Негативным образом на качестве исполнения Р. Р. Розеном обязанностей посланника в Японии

сказывалась несвоевременность получения им информации из Министерства иностранных дел Российской империи. Ситуация, когда японский министр иностранных дел узнавал новости об активности россиян в Сеуле раньше, чем российский посланник, выглядела, по меньшей мере, странной.

Будучи хорошо осведомлённым о настроении в японском обществе и о военном потенциале Японии в начале XX в., Р. Р. Розен понимал крайнюю нежелательность разжигания вооружённого конфликта. Тем не менее, он был представителем интересов руководства своего государства, а Николай II и его советники признали контроль над Маньчжурией и Кореей одной из приоритетных задач внешней политики Российской империи.

Примечания

- ¹ Кубышкин А. И., Сизоненко А. И. Российский дипломат Р. Р. Розен // Новая и новейшая история. 2003. № 3. С. 194–201.
- ² Подалко П. Э. Япония в судьбах россиян : Очерки истории царской дипломатии и рос. диаспоры в Японии в конце XIX– начале XX века. М., 2004. 352 с.
- ³ Лукоянов И. Последние русско-японские переговоры перед войной 1904–1905 гг. // Acta Slavica Iaponica. 2006. Т. 23. С. 1–36.
- ⁴ ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. 828. Оп. 1. Д. 165.
- ⁵ АВПРИ (Архив внешней политики Российской империи). Ф. 150. Японский стол. Оп. 493. Д. 1982. Трактаты с Японией.
- ⁶ Rosen R. R. Forty Years of Diplomacy. L., 1922. 315 p.
- ⁷ Рапорт А. И. Русина А. А. Вирениусу. URL : http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Japan/XX/1900-1920/Rusin_A_I/1-20/13.phtml?id=11810 (дата обращения : 25.07.2013).
- ⁸ Бок Б. И. Завтрак у наместника. URL : <http://www.bibliotekar.ru/port-artur/3.htm> (дата обращения : 7.05.2013).
- ⁹ Correspondence Regarding the Negotiations between Japan and Russia (1903–1904). Tokyo. 61 p.
- ¹⁰ Russian Gunboat in Trap // The New York Times. 1904. February 8.
- ¹¹ The Crisis in the East // The Sydney Morning Herald. 1904. March 4. P. 7 ; Movements of Ambassadors // The Register. 1904. February 16. P. 5.
- ¹² The Russian Minister to Japan visits Singapore // The Straits Times. 1904. February 29. P. 5.
- ¹³ Rosen R. R. Op. cit. P. 26.
- ¹⁴ АВПРИ. Ф. 150. Японский стол. Оп. 493. Д. 1982. Трактаты с Японией. Л. 11–14.
- ¹⁵ ГАРФ. Ф. 828. Оп. 1. Д. 165. Л. 150.
- ¹⁶ Подалко П. Э. Указ. соч. С. 64.
- ¹⁷ Rosen R. R. Op. cit. P. 39.
- ¹⁸ АВПРИ. Ф. 150. Японский стол. Оп. 493. Д. 1982. Трактаты с Японией. Л. 5.
- ¹⁹ Rosen R. R. Op. cit. P. 109.
- ²⁰ Ibid. P. 133.

- ²¹ Rosen R. R. Op. cit. P. 157.
- ²² Правительственное сообщение, отъ 29 Апрѣля (11 Мая) 1898 года о независимости Кореи // Сборник договоров и дипломатических документов по дѣлам Дальняго Востока. 1895–1905 гг. С.-Петербургъ, 1906. С. 345–348.
- ²³ Подалко П. Э. Указ. соч. С. 64.
- ²⁴ История Кореи (Новое прочтение) / под ред. А. В. Торкунова. М., 2003. С. 252–253.
- ²⁵ Rosen R. R. Op. cit. P. 215.
- ²⁶ Лукоянов И. Указ. соч. С. 4.
- ²⁷ Куропаткин А. Н. Дневник. С 27 мая 1903 г. по 6 июня 1903 г. URL : http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Japan/XX/1900-1920/Kuropatkin_A_N/frametext.htm (дата обращения : 15.06.2013).
- ²⁸ Mr. Kurino to Baron Komura // Correspondence Regarding the Negotiations between Japan and Russia (1903–1904). Tokyo. P. 19.
- ²⁹ Лукоянов И. Указ. соч. С. 19.
- ³⁰ Baron Comura to Mr. Kurino // Correspondence Regarding the Negotiations between Japan and Russia (1903–1904). Tokyo. P. 23.
- ³¹ Baron Comura to Mr. Kurino. P. 41–42.
- ³² Рапорт А. И. Русина А. А. Вирениусу.
- ³³ Бок Б. И. Завтрак у наместника. URL : <http://www.bibliotekar.ru/port-artur/3.htm> (дата обращения : 7.05.2013).
- ³⁴ Лукоянов И. Указ. соч. С. 18.
- ³⁵ Baron Komura to Mr. Kurino // Correspondence Regarding the Negotiations between Japan and Russia (1903–1904). Tokyo. P. 58–59.
- ³⁶ Russian Gunboat in Trap // The New York Times. 1904. February 8.
- ³⁷ Movements of Ambassadors // The Register. 1904. February 16. P. 5.
- ³⁸ The Russian Minister to Japan visits Singapore // The Straits Times. 1904. February 29. P. 5.
- ³⁹ The Crisis in the East // The Sydney Morning Herald. 1904. March 4. P. 7.
- ⁴⁰ Rosen R. R. Op. cit. P. 234.
- ⁴¹ The Russian Minister to Japan visits Singapore // The Straits Times. 1904. February 29. P. 5.
- ⁴² Соловьёв Ю. Я. Воспоминания дипломата. 1893–1922. М., 1939. С. 90.

УДК 94(470)

ПРЕДСТАВИТЕЛЬНАЯ ВЛАСТЬ В СИСТЕМЕ ФОРМИРОВАНИЯ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (апрель 1906 – июнь 1907 года)

В. А. Кустов

Саратовский государственный социально-экономический университет
E-mail: kustovv@list.ru

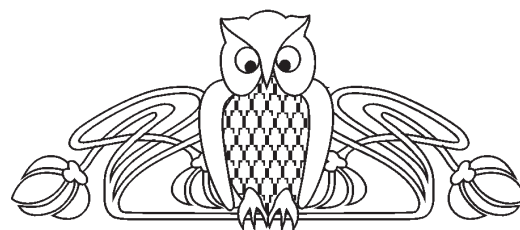
Статья посвящена изучению роли и места Государственной думы во внешнеполитическом механизме Российской империи в период Первой русской революции. Компетенции представительной власти не распространялись на сферу внешней политики. Между тем Основные Законы 1906 г. наделяли парламентариев некоторыми косвенными способами контроля, позволяющими оказывать определенное влияние и на текущую работу министерства иностранных дел, и на формирование внешнеполитического курса страны.

Ключевые слова: Государственная дума, политические партии, Первая русская революция, внешняя политика России.

The Role of Representation Power in Developing Foreign Policy of the Russian Empire (April 1906 – June 1907)

V. A. Kustov

The paper studies the role played by the State Duma in developing foreign policy of the Russian Empire during the First Russian revolution. Competences of the representation power do not extend to foreign policy. However, the State Law, adopted in 1906, gave members of Parliament tools of indirect control that enabled them to influence current activities of the Ministry of Foreign Affairs and to shape foreign policy of the country.

Key words: State Duma, political parties, First Russian revolution, foreign policy of Russia.

Поражение в Русско-японской войне и тяжелейший внутренний кризис 1905–1907 гг. привели к качественной трансформации внешней политики Российской империи. Началась обратная переориентация внешнеполитического курса страны с Дальнего Востока на Европу, оформлялись основы политики соглашений и балансирования, происходила модернизация внешнеполитического механизма, обновление и приспособление структуры министерства иностранных дел и всего государственного аппарата, отвечающего за реализацию внешнеполитических функций, к потребностям и задачам новой международной политики. С этого момента на принятие важнейших внешнеполитических решений вместе с непростой обстановкой на международной арене (обострением империалистических противоречий в конфликтных регионах мира, усилением напряженности между военными блоками) стали влиять и изменения, имевшее место внутри страны.

Подъем революционного движения подтолкнул самодержавие к реформированию политической системы Российской империи. Появившийся